

МЕЙЕРХОЛЬД И ОСТРОВСКИЙ

МНОГИЕ события театральной жизни прошлого года в нашей стране были посвящены имени А. Н. Островского — широко и торжественно отмечался его юбилей. Нынешний календарь принес сообщение о 100-летию со дня рождения Всеволода Эмильевича Мейерхольда — великого режиссера, увлеченного новатора и преобразователя сцены.

Островский в начале XX века был непопулярен на русском театре, казался малозначительным и неинтересным, и его пьесы возникали на столбчатых сценах редко и эпизодически. Но в годы своей театральной юности Мейерхольду еще удалось видеть на сцене Малого театра его корифеев. «Мне посчастливилось», — рассказывал он, — застать в Москве изумительный состав специалистов по Островскому, которые бережно хранили заветы предыдущих годов, как следует играть Островского». Речь шла об Ольге Осиповне и Михаиле Провиче Садовских, Марии Николаевне Ермоловой.

Весьма успешно были сыграны начинающим актером Мейерхольдом несколько ролей из традиционного репертуара Островского — и в любительских спектаклях — в Пензе в гимназические и студенческие годы (Ризположенский — «Свои люди — сочтемся», Несчастливцев — «Лес»), и в постановках филармонического училища, где он учился у В. И. Немировича-Данченко (Иван Грозный — «Василиса Мелентьева», Маргариты — «Поздняя любовь»). Как режиссеру, Мейерхольду впервые пришлось работать над текстами Островского в Товариществе новой драмы, в самом начале своего творческого пути. Но эти постановки были целиком подчинены кассовому интересу, поставлены в угоду провинциальной публике и рассматривались постановщиком как необходимая уступка ради основных идей, которые он тогда осуществлял, работая над современной драмой (Ибсен, Чехов, Гауптман, Метерлинк).

И только в 1916 году, пройдя через увлечение символистской драмой, через поиски составляющих условного театра, наконец, после восьми лет содружества с художником А. Я. Го-

ловиним, Мейерхольд счел возможным обратиться к Островскому и поставить его по-новому. Для постановки на сцене Александринского театра была выбрана драма «Гроза».

Мейерхольд дает свое прочтение «Грозы»: он вырывает драму из пут бытовизма, трактуя ее как народную и романтическую. Отказавшись от прямого показа «темного царства», режиссер тем самым лишил происходящее на сцене конкретный исторический обстановка и выводил опозитированную ситуацию в план внеисторический. «...Исконно русское выступало в обобщенном и грозном виде, прошлое сближалось с современностью и заставляло с тревогой думать о будущем...». «В этой поэзии много силы, зла и уродства — таков был... эмоциональный итог и вывод спектакля», — пишет исследователь творчества Мейерхольда К. А. Рудницкий.

Художественный строй спектакля был созвучен поэтической природе языка драмы. Декорации и костюмы работы А. Я. Головина своей живописностью и нарядностью полемизировали с традиционным, иллюстративным пониманием пьесы. Тонкий, иконописный рисунок роли Екатерины (актриса Е. Рождина-Инсарова) выражал ее внутреннюю обреченность и противопоставленность миру сытой, богатой и нарядной жизни; тем самым как бы подчеркивалось и выявлялось иное ее предназначение.

Постановка «Грозы» В. Э. Мейерхольдом — запоминающееся событие в истории русского драматического театра, и в то же время это был первый шаг на пути освоения режиссером русского классического наследия.

Вторая встреча Мейерхольда с Островским произошла в 1923 г. К этому времени Мейерхольд, безоговорочно принявший революцию и подчинивший ее задачам свое искусство, стремился создать театр, утверждающий принципы новой жизни в новых, еще никем не реализованных поэтических формах. Основная его режиссерская и экспериментаторская

работа велась на сцене театра им. Вс. Мейерхольда. Но с 1923 г. Мейерхольд принимает на себя также руководство Театром Революции, где он предполагал ставить для широкой рабочей аудитории «только реалистические спектакли преимущественно революционного содержания» и довольно неожиданно ставит на этой сцене «Доходное место» Островского. Можно предположить, что таким образом Мейерхольд ответил на призыв А. В. Луначарского «Назад к Островскому!» или, что тоже вероятно, таким был отклик театра на 100-летний юбилей драматурга. Но были у режиссера и более глубокие социальные причины для выбора именно «Доходного места».

В отличие от других постановок этого периода, когда спектакль разыгрывался на пустынной сцене, чье пространство организовывала конструктивистская установка, «Доходному месту» были возвращены декорации, но без каких-либо стилистических соответствий эпохе Островского. В отличие от декораций костюмы и реквизит строго соответствовали моде и быту середины XIX в.

«Доходное место» было спектаклем больших актерских удач. Особенный успех выпал на долю М. И. Бабановой в роли Полинки и Д. Н. Орлова-Юсова. В их талантливейшем исполнении чистота и наивность Полинки противопоставлялись разрушительной силе цинизма Юсова.

Художественная цельность постановки определила ее долгую жизнь в репертуаре театра. Замысел спектакля находился в гармоническом единстве с актерским исполнением и художественным решением. Приемы гротеска и эксцентрики наилучшим образом выявляли сатирические, разоблачительные мотивы пьесы. Это был прекрасный спектакль с гениальной режиссурой.

Менее чем через год театр им. Вс. Мейерхольда представляет на суд зрителей комедию «Лес».

Задача, которую на этот раз ставил режиссер — в резкой сатирической форме атаковать

недавнее прошлое, — потребовала решительных изменений в структуре пьесы: текст Островского был сохранен, но подан в виде 33 эпизодов-аттракционов. Несколько видоизменилась и общая композиция произведения. Смело модернизировав комедию, Мейерхольд превратил ее в повод для создания современного сатирического спектакля».

Несколько наивная классовая позиция, с которой рассматривались происходящие в спектакле события, находила живой отклик у аудитории: на осмеянные выставлялось прошлое, которому нет возврата. Но агитационная задача была не единственной, которую ставил Мейерхольд в своем «Лесе». Этой постановкой режиссер утвердил многие из своих театрально-программных идей. И прежде всего была выявлена связь его театра с театром народным, театром площади, театром динамического зрелища.

В этом спектакле не было плохих исполнителей: каждый актер в своеобразной острой манере создавал образ, надолго остававшийся в зрительских впечатлениях. Но мастерство, самообытность, искрометный талант, выплеснувшая стихия комизма И. Ильинского Аркашки Счастливецова были непревзойденными.

«Лес» получился веселым, жизнеутверждающим. «Это не спектакль, а какое-то вулканическое извержение эмоций, шумных, пенящихся, рокошующих, громоглаголющих друг на друга как снежный ком», — писал один из рецензентов.

Больше пьес Островского Мейерхольд не ставил. Из огромного наследия драматурга он выбрал только три — «Грозу», «Доходное место», «Лес». Но каждая из этих постановок, одухотворенная режиссерским гением Всеволода Эмильевича Мейерхольда, вошла в историю русского и советского театра. Память о них сберегается и в Щелыкове.

М. НИКОЛЬ,

ст. научный сотрудник музея А. Н. Островского.